

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССН.

1895.

ДЕКАВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, 95.

1895.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	19
А. Н. Веселовскій. Изъ котораго эпитета	179
А. С. Хахановъ. Грузинскій поэтъ XII вѣка Ш. Рустанели и его поэма „Варсова кожа“	200
Н. В. Истробовъ. Очеркъ жизни и литературной дѣятельности Петра Хельчицкаго	224
Э. Л. Радловъ. Ученая дѣятельность профессора М. И. Каряи- нскаго (окончаніе)	281
В. И. Курдюновскій. Губныя учрежденія Московскаго государ- ства (окончаніе)	309

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. С. Ланно-Данилевскій. Исторія экономическаго быта Вели- каго Новгородъ. А. И. Пикитскаго	343
О. О. Зигель. „Россія“. В. Р. Морфилла	397
Ө. Д. Ватюшковъ. Французско-русскій этимологическій словарь, содержащій въ постепенномъ порядкѣ всѣ слова фран- цузскаго языка, разобранныя и группированныя по кор- нямъ. Составилъ Н. Токссля С.-Иб. 1893—1894	404
— Книжныя новости	418
— Наша учебная литература (разборъ 13 книгъ и изданій).	45

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ.

— Отчетъ о тридцати седьмомъ приужденіи наградъ графа Уварова	25
— Наши учебныя заведенія: Среднія и высшія школы Кіев- скаго учебнаго округа въ 1894 году	45
К. Н. Вестужевъ-Рюминъ. Е. А. Вѣловъ (некрологъ).	102

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

N. Novossadsky. Ad papyrus magicam bibliothecae parisiensis na- tionalis adnotationes palaeographicae	81
О. О. Соколовъ. Новая книга о Дельфахъ	88
А. О. Эрмантъ. Легенда о римскихъ царяхъ (продолженіе)	100
М. Н. Крашенинниковъ. Pyglin	118

О ВЪЯВЛЕНІЯ.

Редакторъ В. Васильевскій.

(Вышла 1-го декабря).

ГРУЗИНСКІЙ ПОЭТЪ XII ВѢКА ШОТА РУСТАВЕЛИ И ЕГО ПОЭМА „БАРСОВА КОЖА“.

Грузіи не было суждено играть особенно выдающуюся роль во всемірной исторіи; но она имѣла свой золотой вѣкъ, свою эпоху славы и могущества. Это XII вѣкъ. Во второй половинѣ этого столѣтія вступила на грузинскій престолъ царица Тамара, доставившая Грузіи преобладающее политическое вліяніе во всей Малой Азійи и на Кавказѣ. Водворившійся затѣмъ миръ благотворно отразился на развитіи науки и искусства и на блестящемъ разцвѣтѣ грузинской литературы, создавшейся подъ вліяніемъ трехъ культуръ — арабской, персидской и византійской¹⁾. При дворѣ царицы Тамары собралась цѣлая плеяда славныхъ писателей, возведшихъ грузинскій языкъ до полнаго совершенства. Вѣкъ Тамары ознаменованъ литературною дѣятельностью поэтовъ Руставели, Шавтели и Чахруха, написавшихъ поэмы въ прославленіе царицы, нѣчто въ родѣ Державинской Фелицы. Ея царствованіе украшаютъ имена талантливыхъ романистовъ Мосе Хонели и Саргисъ Тмогвели, произведенія которыхъ, по словамъ Уордрона, автора „Kingdom of the Georgia“, могутъ занять почетное мѣсто и въ европейской литературѣ.

Но дѣятельность грузинскихъ классиковъ блѣднѣетъ предъ па-

¹⁾ Это тройное вліяніе весьма ярко выразилось въ музыкѣ и искусствѣ. См. *Ипполитовъ-Ивановъ*, Грузинская народная пѣсня въ журналѣ *Артистъ*, № 45; *А. Соловъ*, Грузинское искусство въ Энциклопедическомъ словарѣ, изд. Брокгауза и Ефрона, т. IX А. (С.-Пб. 1893); *Кондаковъ*, Опись памятниковъ древности въ храмахъ Грузіи (С.-Пб. 1887); *моя статья*, читанная въ Женевѣ на конгрессѣ ориенталистовъ „Новое вліяніе на грузинскую культуру“ въ *Этнографическомъ Обзорнѣи*, кн. XXV.

мятью поэта Шота Руставели, имя котораго произносится каждымъ грузиномъ съ неподдѣльнымъ чувствомъ священнаго благоговѣнія. Его поэма „Барсова кожа“ (или „Человѣкъ въ барсовой кожѣ“), современница русскому „Слову о полку Игоревѣ“, сдѣлалась достояніемъ всего грузинскаго населенія; многіе ея стихи стали народными поговорками, и нѣтъ ни одного грузина, который бы не зналъ нѣскольکو мудрыхъ его изреченій. На пространствѣ болѣе семисотъ лѣтъ „Барсова кожа“ служила воспитательною книгой чтенія наравнѣ съ Евангеліемъ и Апостоломъ, а нынѣ грузины, въ горделивомъ сознаніи высокихъ достоинствъ столь популярной среди нихъ поэмы, настойчиво приглашаютъ иностранцевъ знакомиться съ безсмертнымъ твореніемъ своего Руставели. Ренавъ, Сютнеръ, Уордропъ, читавшіе „Барсову кожу“ въ рукописи на французскомъ языкѣ, согласны въ томъ, что эта поэма — высоко-художественное произведеніе, проникнутое глубокою мыслью и теплотою чувствъ.

Великаго поэта постигла судьба многихъ великихъ людей. Намъ въ достовѣрности неизвѣстно ни семейное происхожденіе Шота Руставели, ни общественное его положеніе, ни школьное образованіе, ни мѣсто и время его рожденія, — словомъ наши біографическія о немъ свѣдѣнія столь же скудны, какъ о древнемъ Гомерѣ и гениальномъ Шекспирѣ. Само названіе Шота чисто грузинское и весьма древнее¹⁾ — сокращенное изъ Ашота, по мнѣнію нѣкоторыхъ, — не встрѣчается въ святцахъ христіанскихъ, такъ какъ не было обязательнаго обычая у древнихъ христіанъ, какъ и у грузинъ, давать при крещеніи имена святыхъ, прославленныхъ церковью²⁾. Прозваніе же Руставели поэтъ получилъ по мѣсту своего рожденія въ Рустави аналогично съ Хонели изъ Хони, Тмогвели изъ Тмогви. Но недоумѣніе наше о родинѣ поэта не находитъ разрѣшенія въ виду того обстоятельства, что географическій пунктъ „Рустави“ мы встрѣчаемъ въ исторіи Грузіи съ древнѣйшихъ временъ въ двухъ противоположныхъ концахъ: въ Южной и Верхней Карталиннѣ, по тепе-

¹⁾ Царевичъ Теймуразъ въ своихъ комментаріяхъ къ „Барсовой кожѣ“ говоритъ, что имя Шота или Шотта восходитъ въ языческимъ временамъ Грузіи: главный идолъ ея Армази носилъ названіе „Шота“. См. мое письмо въ *Извѣст.*, 1892, № 17.

²⁾ О некалендарныхъ именахъ у грузинъ см. мою статью въ *Этнографическомъ Обзорннн*, 1894 г., № 2. Имя Шота находимъ въ надписи на Зарыской церкви XI в. (въ Ахалцихскомъ уѣздѣ). См. *Материалы* по археологіи Кавказа, в. IV (М. 1894), стр. 53.

решному административному дѣленію, въ тифлисскомъ и ахалцихскомъ уѣздахъ. Рустави есть названіе древняго города грузинскаго царства, известнаго подъ именемъ „Бостанъ-калаки“ на лѣвомъ берегу рѣки Куры ниже Тифлиса; епископы, сидѣвшіе тамъ, титуловались *Руставскими*; въ половинѣ XIII вѣка городъ этотъ опустошили монголы, и попытки кахетинскаго царя Ираклія I возстановить его изъ развалинъ были безуспѣшны. Но ко времени царицы Тамары центръ грузинскаго просвѣщенія былъ перенесенъ въ Верхнюю Карталинію, гдѣ по нынѣ лежитъ село Рустави, первая станція отъ г. Ахалциха по почтовому тракту въ сторону г. Ахалкалаки. Вѣроятноже, что поэтъ Шота, пѣвецъ царицы Тамары, происходилъ изъ этого послѣдняго Рустави ¹⁾ месхійскаго или Верхне-карталинскаго, а не изъ древняго Бостанъ-калаки, такъ какъ вообще Ахалцихскій уѣздъ или Саатабаго въ X—XII вѣкахъ игралъ выдающуюся культурную роль въ исторіи Грузіи.

Итакъ, Руставели былъ родомъ месхъ (или мосохъ—мосхъ) изъ того грузинскаго племени, названіе котораго встрѣчаемъ въ Библии и у классическихъ писателей, а нынѣ звучитъ въ словѣ „Мцхетъ“ ²⁾. По народной традиціи известно, что Шота рано остался сиротою на попеченіи дяди-монаха, который отдалъ своего племянника для первоначальнаго обученія, въ Руставскую церковную школу, откуда будущій поэтъ былъ переведенъ въ Тбетское монастырское училище. Пробывъ еще нѣсколько лѣтъ въ двухъ известныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ Греми и Икальто (Телавскій уѣздъ Тифлисскаго губ.), основанныхъ при Давидѣ Возобновителѣ (1089—1125) Арсеніемъ, епископомъ Икалтойскомъ, Руставели былъ отправленъ въ Грецію для довершенія своего образованія. Въ Аеонскихъ, Олимпійскихъ (Улумбійскихъ, въ устахъ и подъ перомъ грузинскихъ писателей) монастыряхъ и въ Иерусалимѣ, гдѣ явились обители, построенныя грузинскими царями, Руставели въ совершенствѣ изучилъ греческій языкъ и филосо-

¹⁾ Ср. слова самого поэта (строфа 1648): „Ишу нѣкій месхъ стихотворецъ изъ села Рустави“.

²⁾ Первое упоминаніе о месхахъ находимъ въ X главѣ кн. Бытія, гдѣ названы Мешехъ и Тубаль. Пророкъ Іезекииль называетъ тѣхъ же Мешехъ и Тубаль, а столѣтіемъ позже Геродотъ вводитъ въ XIX сатрапію персидской монархіи мосховъ и тибареновъ. Мешехъ или Месехъ Библии названы у галикарнасскаго историка мосхами, о которыхъ упоминаетъ и Страбонъ, а грузинскій географъ подъ именемъ месхи (ср. мусковъ ассирійскихъ надписей). *Мой очеркъ* „Месхи“ стр. 1—2. Москва, 1891.

фію, а впоследствии онъ ознакомился съ языками персидскимъ и арабскимъ, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ его поэма. По возвращеніи на родину онъ былъ назначенъ казнохранителемъ царицы Тамары въ награду за тѣ похвальные оды, которыя онъ ей посвящалъ. Это было время политическаго могущества Грузіи и разцвѣта лирической поэзіи при пышномъ дворѣ молодой царицы со всѣми признаками средневѣковаго рыцарскаго служенія. Молодой воспитаникъ греческихъ школъ, ознакомившійся съ поэмами Гомера и философіею Платона,—на которыхъ онъ любитъ ссылаться,—богословіемъ, началами піитики и риторики, всецѣло посвящаетъ себя литературной дѣятельности и создаетъ знаменитую поэму „Барсову кожу“—красу и гордость грузинской письменности... „Раздалась звуки лиры; онъ пѣсни сталъ слагать: то были перлы слова—алмазь и брилліантъ. Межъ камней самоцвѣтныхъ въ оправѣ золотой былъ жемчугъ бѣлосвѣжный и яхонтъ дорогой“... Подобными сравненіями въ восточномъ гиперболическомъ вкусѣ характеризуетъ недавно сошедшій въ могилу поэтъ кн. В. В. Орбеліани высокое содержаніе Ш. Руставели. Поэтъ, безнадежно влюбленный въ свою повелительницу, кончилъ жизнь въ монастырской кельѣ. Тимофеей, митрополитъ грузинскій въ XVIII вѣкѣ, видѣлъ въ Іерусалимѣ, въ церкви Св. Креста, построенной грузинскими царями, могилу и портретъ его на стѣнѣ храма въ власяницѣ подвижника ¹⁾). Поэтъ отдался религіи и нашелъ идеалъ истины, добра и красоты въ христіанствѣ и пѣснопѣніяхъ церкви по лирѣ Сіона.

На ряду съ этою легендой объ отношеніяхъ Руставели къ Тамарѣ сохранились еще другія народныя преданія, разукрашенные пылкою фантазіею. Поэтъ, влюбленный въ царицу, женится, однако, на какой-то Нинѣ, и вскорѣ послѣ свадьбы получаетъ отъ „дамы идеальнаго поклоненія“ приказаніе перевести на грузинскій языкъ литературный подарокъ, поднесенный ей побѣжденнымъ шахомъ. Руставели блестяще исполняетъ порученіе Тамары, но отъ награды за трудъ свой отказывается. Черезъ недѣлю послѣ этого нашли обезглавленный трупъ поэта, признаннаго несчастною женой. Заслуживаетъ изъ цѣлаго цикла сказаній еще одно воспоминаніе народа, по которому царица за дивное твореніе подарила поэту золотое кольцо, мужъ ея опоясалъ его мечомъ, а свита въ „восторженномъ очарованіи“ поднесла

¹⁾ Путешествіе по святымъ мѣстамъ, стр. 154. Ср. *Цагарели*, Памятники грузинской старины въ Святой землѣ и на Синаѣ, стр. 244 (С.-Пб. 1888).

ему разныя драгоценности. Во время торжественнаго пира поэтъ былъ вызванъ неизвѣстнымъ юношей, который посоветовалъ поспѣшить къ женѣ. Руставели засталъ ее въ объятіяхъ араба Адула. Въ гнѣвѣ онъ убиваетъ проводника-юношу, который оказывается переодѣтою дѣвушкою, первую, брошенною имъ его невѣстой. Опозоренный красивый и талантливый поэтъ, любимецъ царицы, съ горя постригся въ монахи, а араба убилъ братъ жены Шота, и голову убитаго повѣсилъ на шею измѣнницѣ-сестрѣ¹⁾). Любопытно, что всѣ легенды приурочиваютъ мѣсто рожденія къ ахалцхской области, и еще недавно записано преданіе о мудромъ сынѣ одного слѣпаго грузина, жившемъ при царицѣ Тамарѣ: онъ состоялъ при ней секретаремъ и ближайшимъ совѣтникомъ²⁾).

Не останавливаясь на подробномъ разборѣ приведенныхъ сказаній и не удлинняя ихъ новыми дополненіями, извѣстными въ устномъ обращеніи, можно съ нѣкоторою вѣроятностію сказать, что пѣвецъ царицы Тамары происходилъ изъ Месхетин, пользовался большою популярностію благодаря своимъ знаніямъ и таланту и кончилъ жизнь въ тиши монастырскихъ стѣнъ, вдали отъ боготворимой царицы, въ прославленіе которой, по его же словамъ, была написана „Барсова кожа“.

Отсутствіе точныхъ біографическихъ данныхъ въ глазахъ нѣкоторыхъ скептиковъ, умаляющихъ, по незнанію вопроса, значеніе грузинской литературы, служило достаточнымъ доказательствомъ той мысли, что Руставели поэтъ позднѣйшей эпохи, первое упоминаніе о которомъ находимъ будто бы въ письменныхъ памятникахъ лишь XVII столѣтія. Опроверженіе этой, ни на чемъ не обоснованной, гипотезы дають дошедшіе до насъ древніе списки „Барсовой кожи“. Самый древній изъ нихъ на пергаментѣ неполный (и безъ даты), писанный крупными круглыми буквами гражданскаго письма, хранился, по словамъ грузинскаго археолога П. Игн. Иоселіани, у имеретинскаго князя полковника Григорія Церетели. Второй экземпляръ на лощенной бумагѣ, принадлежавшій царю Александру (1443 годъ), найденъ у дворянина Николая Эліозова, древній родъ котораго всегда былъ

¹⁾ Легенда о Ш. Руставели см. Повѣсть „Варддихе“ въ газетѣ *Кавказъ* 1846 г. №№ 30, 31 и 32, ср. мою замѣтку 1892, 95 въ „Иверіи“; Ш. Руставели и его супруга *А. Пурцеладзе*; (Тифлисъ, 1886) и въ моей книгѣ „Очерки по исторіи грузинской словесности, вып. I. Народный эпосъ и апокрифы“, стр. 281—2 (М. 1895). *Исторія*, 1895 № 21 Легенда о Руставели, родилъ „Шота“ *В. Коптонашвили*.

²⁾ Въ Грецію отправляли грузинскихъ юношей довершать образованіе со времени Давида Возобновителя. Исторія *Вардана* (переводъ Эмина, 1861) стр. 147.

служебнымъ при дворѣ католикосовъ—патріарховъ грузинскихъ, большею частью происходившихъ изъ царскаго дома. Третій списокъ съ надписью, свидѣтельствующею о принадлежности его царю Вахтангу Шахъ-Навазу (1678 г.), находился въ рукахъ царевны Ѳеклы Иракліевны, скончавшейся въ 1846 году. Рукописи эти писаны очень красиво, но по мѣстамъ съ ошибками правописанія. По этимъ спискамъ явилось первое печатное изданіе 1712 года при царѣ Вахтангѣ VI въ Тифлисѣ съ комментаріями и портретомъ ученаго царя. Броссе ¹⁾ видѣлъ въ Парижѣ списокъ „Барсовой кожи“, переписанный въ 1702 году. Въ основаніе „Барсовой кожи“, изданной Картвеловымъ въ Тифлисѣ, положенъ манускриптъ XVII в. Наконецъ, въ Московскомъ Главномъ Архивѣ иностранныхъ дѣлъ хранится любопытный вариантъ поэмы Ш. Руставели, къ сожалѣнію, не сохранившій ни даты, ни имени переписчика, ни мѣста, гдѣ она переписана. Время, къ которому относятся этотъ памятникъ, можно опредѣлять по палеографическимъ его особенностямъ, а въ особенности по начертанію буквъ *h* и *p*. Еще покойный Бакрадзе замѣтилъ, что изображеніе грузинскаго *h* съ четырьмя зубцами, притомъ въ обратномъ положеніи, и буквы *p* съ тремя зубцами, также *vice versa*, сравнительно съ ихъ позднимъ начертаніемъ; восходить къ XV—XVII вѣкамъ. Такъ какъ матеріалъ—бумага, на которой писана поэма Руставели, не позволяетъ отодвигать ее къ XV вѣку, то я отношу къ концу XVI или къ началу XVII вѣковъ. Въ рукописи, нужно еще замѣтить, имѣемъ букву, представляющую сочетаніе согласнаго *v* и гласнаго *i* (*vi*), притомъ эта орфографія строго не выдерживается: вмѣсто лигатуры встрѣчается двѣ буквы *vi*. Такъ какъ сложное изображеніе для *vi* введено не ранѣе XVII вѣка (*Чубиновъ*, Грузино-русскій словарь, предисловіе, II), то я, наряду съ вышеназванными палеографическими особенностями архивнаго памятника, принимаю во вниманіе для установленія его даты неустойчивость этой буквы, еще не вошедшей въ твердое употребленіе, какъ въ рукописяхъ XVIII вѣка, которыя уже не носятъ слѣдовъ колебанія въ изображеніи однимъ начертаніемъ сложнаго звука *vi* ²⁾.

Изъ обзора списковъ „Барсовой кожи“ естественно является заключеніе, что поэма Ш. Руставели къ концу XVI вѣка, въ виду

¹⁾ *Brosset*, De la poésie géorgienne. Paris. 1830.

²⁾ Ш. Руставели, статья *Ил. Гоццелиани* въ газетѣ *Кавказъ*, 1870 года, № 13. Объ архивномъ вариантѣ „Барсовой кожи“ см. мою статью въ *Восточныхъ древностяхъ* (Труды Моск. Археол. Общ.), вып. I, т. II.

своей популярности, представляла массу интерполяцій и дополненій, вызвала продолженіе ея сюжета, извѣстное нынѣ подъ именемъ *Оманіани* ¹⁾). Къ изданной Д. І. Чубиновымъ въ 1860 году „Барсовой кожѣ“ появилось въ журналѣ „Иверія“ дополненіе въ 308 строкъ, найденное грузинскимъ библіофиломъ П. Карбеловымъ. Московская архивная рукопись, при сличеніи съ существующими печатными изданіями поэмы и ея продолженіями, даетъ еще массу разночтеній и дополненій, которыя выдѣляютъ нами открытый вариантъ въ особую редакцію. Словомъ, ни одна грузинская поэма не подвергалась такимъ исправленіямъ, передѣлкамъ и дополненіямъ, какъ „Барсова кожа“, и ни одно произведеніе грузинскаго творчества не пользуется такимъ высокимъ уваженіемъ и распространеніемъ, какъ созданіе Ш. Руставели. Эти особыя условія, отличающія поэму пѣвца царицы Тамары, заставляютъ думать, что литературное произведеніе, завоевавшее такое почетное положеніе, должно было долгое время обращаться среди народа, чтобы слиться и сродниться съ духомъ поэтическихъ требованій и высшаго и низшаго класса читающей публики. Мощное вліяніе „Барсовой кожи“ иллюстрируетъ ужъ то обстоятельство, что имя Руставели въ грузинской литературѣ есть не имя поэта, а имя возвышенной и художественной поэзии.

Причина отсутствія древнѣйшихъ списковъ поэмы, близкихъ къ ея созданію, заключаются, помимо тяжелыхъ бѣдствій, постигавшихъ Грузію отъ нашествія иноземныхъ полчищъ, въ томъ, что „Барсова кожа“ съ эпохи царицы Тамары преслѣдовалась духовенствомъ, какъ противное христіанскому смиренію сочиненіе свѣтскаго характера. Католикосъ Іоаннъ, по преданію, еще при жизни царицы, покровительствовавшей поэту, воздвигъ гоненіе на Руставели. Достоверно извѣстно, что въ XVIII вѣкѣ патріархъ Антошій I, просвѣщенный писатель, предалъ сожженію нѣсколько экземпляровъ отпечатанной царемъ Вахтангомъ „Барсовой кожи“. Въ своемъ посвященіи памяти Шота Руставели католикосъ-патріархъ Антошій I называетъ его мудрымъ знаткомъ персидскаго языка, философомъ, чуднымъ поэтомъ и бого-

¹⁾ „Оманіани“—продолженіе „Барсовой кожи“. *Мои письма изъ Парижа въ Иверію*, 1889 года, № 188: „Грузинскія рукописи Парижской Національной Библіотеки“. По списку памятниковъ „грузинской письменности“, составленному въ 1810 году, „Оманіани“ считается переводомъ съ персидскаго языка. См. *Цаирели*, Свѣдѣнія о памятникахъ грузинской письменности, в. III, стр. 258 (С.-Ииб., 1894 года). Ср. *Brosset. Mélanges Asiatiques*, t. VIII, p. 438.

словомъ, „но тщетно и всеу потрудившимся“¹⁾). Такимъ образомъ, поэму не спасло отъ злой участи объясненіе царя Вахтанга, который въ своихъ примѣчаніяхъ къ „Барсовой кожѣ“ пытается толковать аллегорически выраженія поэта, сводя ихъ къ текстамъ Священнаго Писанія и правиламъ евангельскаго ученія. Онъ утверждалъ, что поэма Руставели—иносказаніе, вымышленное для поученія, и имѣющее главною цѣлью представить непоколебимую вѣрность супруговъ при всѣхъ превратностяхъ человѣческой жизни. Не отвергая мысли, что въ основаніи поэмы лежитъ нравственная идея, всетаки никакъ нельзя видѣть въ ней какую-то христіанскую мистическую поэму. Но почему же гений поэзии заслужилъ гнѣвъ и укоръ просвѣщеннаго католика²⁾, извѣстнаго своими твореніями? Послѣ Шахъ-Аббаса I, разорившаго Грузію за сношенія съ православною Россіей при Борисѣ Годуновѣ, цари и народъ грузинскій являются ослабленными. Новые обычаи, нравы, музыка персовъ нарушали чистоту патріархальнаго быта и христіанской жизни,—отсюда необходимость реакціи, и католикосъ Антоній въ началѣ XVIII вѣка запретилъ чтеніе Руставели. увлекавшаго народъ къ поэзии персидской, тонамъ музыки лидійской. Народъ искалъ въ немъ меду, а находилъ отраву, говоритъ вышеупомянутый грузинскій археологъ П. Игн. Иоселіани.

Какъ неразрѣшимы вопросы о мѣстѣ и времени рожденія, о происхожденіи и школьномъ образованіи, общественномъ положеніи и кончинѣ Руставели, такъ до настоящаго времени остается невыясненнымъ, откуда заимствовалъ онъ сюжетъ своей поэмы. Въ литературѣ этого предмета было высказано три мнѣнія: первое основывается на словахъ самого Руставели, который въ 16-й строфѣ заявляетъ, что „онъ нашелъ *персидскій* разказъ и переложилъ его стихами, словно крупную жемчужину, переходящую изъ рукъ въ руки“; однако, персидскій оригиналъ грузинской поэмы до сихъ поръ не найденъ; второе мнѣніе впервые было высказано Д. І. Чубиновымъ, который доказываетъ, что „Руставели не заимствовалъ сюжета „Барсовой

¹⁾ Мѣрное слово *Антонія I*, католикоса-патріарха всей Грузіи, № 802. Тифлисъ, 1853 года.

²⁾ Католикосъ Антоній оставилъ намъ слѣдующія сочиненія: „Богословіе“ (рукопись въ 430 стр. in folio); „Готовое слово“, изд. епископомъ Александромъ въ 617 стр. in 8°, Тифлисъ, 1892 года; „Грамматику“ въ 298 стр. in 8°, Тифлисъ, 1885 года; „Метафизику“ въ 250 стр. in 8° (рукопись); „Философію“ въ 320 стр. in 8° (рукопись); „Катихизисъ“; „Категоріи“; „Нравственную философію“ Баумейстера; „Риторіку“ и др.

кожи“ у восточныхъ писателей; она создана имъ самимъ и направлена къ прославленію царицы Тамары“. Третье мнѣніе принадлежитъ мнѣ: въ одной статьѣ, посвященной сравненію отдѣльныхъ стиховъ Руставели и народныхъ пѣсень о Таріелѣ, я предположилъ, что искусственная поэма XII вѣка имѣетъ своимъ основаніемъ народную поэзію, подобно тому, какъ Фаустъ и Гамлетъ восходятъ къ средне-вѣковымъ народнымъ традиціямъ ¹⁾). При этой коллизіи мнѣній—считать ли „Барсову кожу“ національнымъ произведеніемъ или простымъ заимствованіемъ изъ персидской поэзіи, слѣдуетъ вспомнить слова Сеттембрини о „Неистовомъ Роландѣ“ Аріоста: „Не говорите мнѣ, что сюжетъ этой эпопеи не *націоналенъ*, но вспомните, что не матеріалъ опредѣляетъ достоинство поэмы, а *духъ*, живущій въ поэмѣ. Мірѣ, изображенный въ этой эпопее, не принадлежитъ никакой національности, — этотъ міръ созданъ поэтомъ. Но манера, съ которою онъ создаетъ этотъ міръ, духъ, вдохнутый въ эту поэму, — чисто итальянскіе. Это есть лучшее изображеніе всего итальянскаго быта, итальянской фантазіи и всего нравственнаго строя“. Эти слова вполне приложимы къ поэмѣ Руставели. Природа и характеръ дѣйствующихъ лицъ, семейный и государственный бытъ, нравы и обычая носятъ всѣ признаки грузинской жизни, карталинскій элементъ разлитъ, словно запахъ розъ, по всей поэмѣ, намѣренно перенесенной въ идеальную мѣстность: „въ Индію, Аравію, Китай—царство морей и каджовъ“ ²⁾).

Изъ разбора спорныхъ вопросовъ о Ш. Руставели мы склонны заключить, что онъ происходилъ изъ Рустави Месхетской провинціи или Верхней Карталинѣ, жилъ при царицѣ Тамарѣ, о которой онъ говоритъ въ четвертой строфѣ: „Станемъ же воспѣвать царицу Тамару, проливая кровавыя слезы. Уже ее прославляли похвалами ³⁾), не худо сложенными: черниломъ было гишеровое озеро, а перомъ гибкій станъ, пронзающій стрѣлою сердце слушателя“. Руставели не только современникъ царицы Тамары, но и придворный ея поэтъ, безумный влюбленный въ свою славную повелительницу. „Изъ-за нея теряю разсудокъ

¹⁾ *Чубинскъ*, Грузинская Хрестоматія (С.-Пб., 1846 года), стр. VII; моя статья въ *Искрѣ*, 1890 года, № 25; отвѣтъ на нее *Важжа-Пшавела*, *Искрѣ*, 1890 года, № 39. См. еще статью *А. На—ли* въ *Искрѣ*, 1890 года, № 14.

²⁾ *Н. Гулакъ*, О „Барсовой кожѣ“ Руставели. Двѣ публичныя рѣчи (Тифлисъ, 1884 года), стр. 3.

³⁾ Вѣроятно, Руставели здѣсь намекаетъ на оды Шавтели и Чахруха, посвященные ими царицѣ Тамарѣ.

и умираю; она—моя жизнь, но немилосердна, какъ дивъ; она мнѣ приказала ее прославлять сладкими стихами, восхвалять ея брови, рѣсницы, кудри, уста—рубины и зубы — жемчужины“. Сюжетъ поэмы не заимствованъ изъ персидскаго оригинала: царь Вахтангъ, жившій долгое время въ Персіи, изучившій языкъ и литературу ея, свидѣтельствуесть, что нигдѣ онъ не нашелъ повѣсти о Таріелѣ. Слова же самого Руставели относительно этого „таинственнаго перла“, персидскаго разказа, отдѣланнаго въ грузинскомъ вкусѣ, могутъ быть истолкованы въ томъ смыслѣ, что поэтъ намѣренно отводитъ читателя съ цѣлью скрыть свою любовь къ той, которой повинуются полчища. „Я заболѣлъ отъ любви и иѣтъ для меня лѣкарства, развѣ земля дастъ мнѣ исцѣленіе и могилу“ (стр. 15).

Или, быть можетъ, Руставели хотѣлъ придать больше цѣны своей поэмі: извѣстно, говоритъ покойный Чубиновъ, что чужеземное всегда цѣнится дороже своего. Но нельзя отрицать, что поэма Руставели создана по образцамъ восточныхъ писателей: имена ея героев имѣютъ значеніе на языкахъ персидскомъ и арабскомъ, какъ Ростеванъ, Рамазь, Сариданъ, Фатмацъ, Парсаданъ и др., хотя главные герои носятъ названія грузинскія: Таріель, Автандилъ, Тинатина¹⁾. Отвергая заимствованіе непосредственно изъ персидскаго письменнаго памятника, мы предположили, что Руставели могъ воспользоваться устнымъ сказаніемъ о Таріелѣ, вошедшимъ съ востока въ предѣлы Грузіи, подобно другимъ странствующимъ сюжетамъ. Самъ Руставели заявляетъ, что онъ „персидскій разказъ переложилъ въ стихи“, или—по переводу Е. С. Сталинскаго—поэтъ признается:

Помня авторскую совѣсть,
Долженъ вамъ я передать,
Что у персовъ эту повѣсть
Взялъ я съ цѣлью въ свѣтъ издать.
Смыслъ ея одѣлъ въ порфиру,
Слово въ перлы наннзалъ,
И свою настройвъ лиру
Повѣсть въ римахъ написалъ.

Изъ сопоставленія обращающихся среди грузинскаго народа ипѣсенъ о Таріелѣ съ поэмой Ш. Руставели легко усмотрѣть ихъ безусловную близость въ общемъ сюжетѣ и въ отдѣльныхъ деталяхъ.

¹⁾ См. Мой докладъ на VIII археологическомъ сѣздѣ въ Москвѣ, въ которомъ я приводилъ изъ сванетскихъ свитковъ XI—XII вѣковъ имена Тинатина, Нестанъ и др. „Грузинскія рукописи Румянцевскаго музея“. М. 1895 г.

Конечно, эту близость искусственной и устной поэмы можно объяснять двояко: или распространениемъ литературнаго произведенія среди народа, или же воздѣйствіемъ безыскусственнаго творчества на личное созданіе одного поэта. Принимая къ свѣдѣнію, что пѣсни о Таріелѣ сохранились съ большими подробностями въ горахъ у пшавовъ и хевсуръ,—весьма мало знакомыхъ съ письменною литературой, можно было бы склониться къ мысли, что Руставели не причастенъ въ дѣлѣ сообщенія сюжета „Барсовой кожи“ грузинамъ—горцамъ. Съ другой стороны предполагать, что съ древнѣйшихъ временъ распространилось содержаніе поэмы Руставели среди пшавовъ и хевсуръ, препятствуетъ то обстоятельство, что, въ горахъ Грузія никогда не имѣла центровъ просвѣщенія и заселеніе ихъ вообще относится къ поздней эпохѣ, приблизительно XVI—XVIII вѣкамъ¹⁾. Въ виду этихъ соображеній трудно согласиться съ гипотезой, что только письменная поэма по своей популярности распространилась среди народа при отсутствіи соответствующей къ ея воспріятію почвы, хотя безъ сомнѣнія вѣрно и то, что поэма Руставели также имѣла въ свою очередь вліяніе на народное воображеніе и сообщала ему нѣсколько мудрыхъ изреченій.

Не настаивая на мысли о пользованіи Руставели народнымъ сказаніемъ, мы считаемъ нужнымъ познакомить читателей съ тѣми доводами, которыми могутъ служить освѣщеніемъ нашего предположенія. До настоящаго времени извѣстны слѣдующіе варианты пѣсенъ о Таріелѣ, записанные частью мною, частью же другими въ различныхъ концахъ Грузіи: Пшавскій („Иверія“, 1888, № 45); Бицмендскій („Иверія“, 1888, № 165); Квзлярскій (ibid. 1888, № 131); Кахетинскій (ibid. 1887, № 224 и 1890, № 252); Карталипскій (ibid. 1890, № 240 и 1890 №№ 7 и 8); Тіонетскій (ibid. 1888, №№ 230 и 231); Чирдильскій (ibid. 1891, № 74 и 75); Хевсурекій (ibid. 1890, № 239) и недавно записанный въ сел. Чалахъ пѣсни съ прозаическимъ разказомъ о Таріелѣ и Нестанъ-Дареджапѣ. Во всѣхъ этихъ вариантахъ сохранилась одна и та же фабула поэмы Руставели то въ отдѣльныхъ эпизодахъ, то въ полномъ разказѣ. Географическія имена изъ „Барсовой кожи“ извѣстны и въ народныхъ пѣсняхъ: Аравія, Хоросанъ, Каджети; дѣй-

¹⁾ О центрахъ просвѣщенія въ Грузіи см. мое соч. Очерки по исторіи грузинской словесности, ч. I, 155—164 (М. 1895). О переселеніи жителей равнины въ горы у *Дубровина*, Исторія войны на Кавказѣ.

ствуюція лица въ нихъ—Таріель, Автандилъ, Фридошъ, Нестанъ-Дареджанъ. Въ виду невозможности привести детали сопоставленія искусственной и безыскусственной поэмы, укажемъ только на то любопытное обстоятельство, что краткій, лаконическій разказъ народныхъ пѣсенъ часто развитъ поэтомъ въ цѣлыя строфы, разукрашенные философскими размышленіями. Сохраняя одинъ и тотъ же сюжетъ, форма народнаго и личнаго творчества представляютъ ту разницу, которая неизбѣжно притекаетъ при литературной обработкѣ устныхъ сказаній. Пѣсни объ Автандилѣ¹⁾ и его охотѣ, распѣваемые еще нынѣ въ Грузіи среди крестьянскаго населенія, нашли отголосокъ въ 199 строфѣ поэмы Ш. Руставели. Обычные эпитеты и сравненія, распространенные въ народныхъ произведеніяхъ, отразились въ „Барсовой кожѣ“: таковы чинаровый станъ, зубы—жемчужины, розовыя уста. Даже мудрыя изреченія знаменитаго поэта находятъ иногда прототипъ въ житейской философій народа: „лучше ужъ умереть, чѣмъ постоянно тосковать“, говоритъ грузинская поговорка, параллелью которой можетъ служить 826 строфа Руставели, гласящая, что „нменитая смерть лучше позорной жизни“. При этомъ сходствѣ общаго содержанія мы замѣчаемъ значительныя отличія въ обработкѣ богатой приключеніями судьбы Таріеля и Нестанъ-Дареджана въ „Барсовой кожѣ“ Руставели. Просвѣщенный и даровитый поэтъ сумѣлъ облагородить и возвысить романтическую интригу идеей неизмѣнной преданности и свѣтлаго чувства любви, талантливо объединилъ и связалъ сюжетъ поэмы психологическими наблюденіями и философскими размышленіями, придавъ художественную цѣльность поэмѣ и облекъ ее въ такую чудную литературную форму, которая остается и нынѣ образцомъ поэтическихъ произведеній.

Розысканіе источниковъ вдохновенія въ народныхъ сказаніяхъ—путь, достаточно установленный въ исторіи всеобщей литературы. Фаустъ, Тартюфъ, Гамлетъ, прежде чѣмъ дѣлаются предметомъ личнаго творчества, долгое время живутъ въ устной передачѣ. Пѣсни о Таріелѣ также могли обращаться въ народѣ²⁾ до литературной

¹⁾ Другой пунктъ совпаденія народныхъ пѣсенъ съ „Барсовой кожей“ можно указать въ имени героини Нестанъ-Дареджанъ,—вторую половину этого названія мы встрѣчаемъ въ легендахъ объ Амиранѣ Дареджанидзе, то-есть, сынѣ Дареджана.

²⁾ Въ народныхъ пѣсняхъ приводятся имена двухъ братьевъ Едемъ и Омаръ, посланныхъ царемъ Аравіи Ростеваномъ привести къ нему „плачущаго юношу“ (Таріеля), у Руставели эти гонцы названы безъ имени.

обработки гениемъ Руставели. Эти пѣсни, нынѣ сопровождающіяся и прозаическимъ пересказомъ для сдѣленія отдѣльныхъ моментовъ изъ жизни героевъ, взаимно утраченного изъ памяти народа римованнаго повѣствованія,—могли быть устно занесены въ Грузію съ востока, подобно другимъ странствующимъ сюжетамъ. Если наше предположеніе представляется правдоподобнымъ, то тогда слова Руставели, что онъ „персидскій разказъ переложилъ въ стихи“, получаютъ нѣкоторое объясненіе: восточный сюжетъ своей поэмы онъ называетъ персидскимъ, потому что Персія передала Грузіи много эпическихъ произведеній и въ литературной обработкѣ и устныхъ сказаніяхъ.

Фабула поэмы ¹⁾ Ш. Руставели можетъ быть выражена въ слѣдующихъ словахъ: Арабскій царь, „великій и щедрый“ Ростеванъ, чувствуя приближеніе старости, за неизмѣнимъ наследника рѣшается возвести на престолъ единственную свою дочь, красавицу Тинатину. Совѣтъ вельможъ пытается отклонить царя отъ этого намѣренія, говоря, что не можетъ спорить восходящая звѣзда съ потухающею полною звѣздой. Владыка Аравія настаиваетъ на своемъ отреченіи отъ власти и такъ обнародовалъ царскую волю: „Я, Ростеванъ, Тинатину мою возвожу на престолъ свой. Да свѣтитъ она народу, какъ ликъ лучезарнаго солнца! Спѣшите, и зрите ее достойные славить царицу!“ Отецъ самъ возвелъ Тинатину на престолъ „возложилъ корону на голову дѣвы и юныя плечи одѣлъ въ багряныя ткани порфиры. Свѣтла Тинатина, какъ солнце,—и взоръ ея мудрости положъ“. На торжественную коронацію молодой царевны, которая въ сонмѣ планетъ поражала могуществомъ блеска и отнимала у всѣхъ и разумъ и сердце, и душу, стекаются вельможи страны, а въ числѣ ихъ и пламенно влюбленный въ Тинатину вождь Автандилъ, который

Станомъ стройнѣе кипариса, а ликомъ свѣтелъ и ясень ²⁾.

Лице безбородъ, а душой подобогъ кристаллу алмаза.

Густыя рѣсницы царевны терзали въ немъ пылкую душу.

По окончаніи торжественной церемоніи коронаціи, въ самомъ разгарѣ веселья царю почему-то взгрустнулось. Гости замѣтили мрачное настроеніе владыки, и старый визирь его Сократъ съ молодымъ

¹⁾ Поэма состоитъ изъ 1637 четверостишій (по изданію Броссе и Чубинова. С.-Пб. 1846) по 16 слоговъ въ стихѣ.

²⁾ Стихотворный переводъ двухъ главъ этой поэмы, сдѣланный Бардинскимъ, приложенъ въ изданію Чубинова.

Автандиломъ пытаются заговорить съ нимъ и вывѣдать причину грусти.
Ростеванъ жалуется имъ, что

Старость его исчерпала дни молодые...
А нѣту въ Аравіи всей такого надежнаго мужа,
Кто-бъ могъ замѣнить вамъ привычкой ратнаго дѣла...
Хоть тѣнь бы метателя стрѣлъ, или въ мячъ игрока удалаго.

Молодой Автандилъ предлагаетъ побиться съ царемъ объ закладъ и помѣриться съ нимъ въ ратномъ искусствѣ на охотѣ. Слуги, доверенные вести счетъ выпускаемыхъ соперниками стрѣлъ и убитыхъ ими звѣрей, донесли, что побѣдителемъ оказался Автандилъ, какъ „чинаръ багриноцвѣтущій въ Эдемѣ“. Утомленные состязаніемъ, они остановились у рѣчки, протекавшей подъ нависшей скалой, и окруженные прибывшимъ войскомъ, сѣли отдохнуть въ прохладной тѣни деревьевъ, глядя на волны потока.

Смотрять, а юноша дивный сидитъ надъ потокомъ и плачетъ:
Покоясь какъ левъ,—въ поводу онъ держитъ коня вороного.
Оружіе, сѣдло и приборъ разубраны жемчугомъ нышно...
Плачь сердца слезами тоски обиндивѣлъ свѣжую розу ¹⁾.
Могучіе члены красавца окутаны кожей барса,
И барсовой кожей покрыто чело молодаго героя,
Съ нимъ крѣпкій окованный кнутъ, толще руки Голиафа
Узрѣли, и взоровъ отвесъ не могли, удивляясь видѣнью.

Царь посылаетъ слугу привести къ нему этого загадочнаго юношу, но
Тутъ море тоски—онъ не можетъ слышать посланника рѣчи,
Ни криковъ веселыхъ отъ войскъ, разсыпанныхъ вдоль по зарѣчью.
Непостижимо рыдало то сердце, упавшее въ пламя.
Плачь сердца съ кровью прихлывалъ въ очи, какъ волны сквозь щели преграды.

Слуга два раза почтительно передаетъ ему царскую волю, но такъ какъ онъ не внемлетъ и не раскрываетъ устъ, то вернувшись докладываетъ царю, что „приглашенія онъ слышать не можетъ“. Разгнѣванный Ростеванъ,—„въ немъ сердце вскипѣло обидой“—приказалъ воннамъ привести насильно того, кто сидитъ у потока. Заслышавъ звуки оружія, плачущій юноша очнулся, отеръ слезы и, не бросивъ взгляда на воиновъ, тихонько поѣхалъ вдоль берега.

Но вонны руки простерли, чтобы взять молодаго упрямца...
Горе что съ ними сбылось, то видѣтъ врагу было бы жалко.
Онъ былъ другъ о друга ихъ всѣхъ—для помощи не было мига...
Иныхъ убивалъ онъ кнудомъ, разсѣвая по самыя груди.

¹⁾ Розой Ш. Руставели называетъ лицо то мужчины, то женщины.

Войско, поспѣшившее за нимъ по приказанію оскорбленнаго этимъ расправою царя, потерпѣло ту же горькую участь: „людьми въ людей онъ металъ и тѣмъ унижалъ Ростевана“. Когда же самъ владѣтель Аравіи съ Автандиломъ погнались за незнакомцемъ, то послѣдній мигомъ исчезъ, точно „или къ небу взлетѣлъ, или вдругъ провалился сквозь землю“. Съ этого дня горе Ростевана удвоилось; его занимаетъ образъ таинственнаго человѣка въ барсовой кожѣ. Унылымъ и мрачнымъ вернулся царь во дворецъ. Тинатина, желая его успокоить, предлагаетъ послать гонцовъ во всѣ стороны развѣдать о томъ незнакомцѣ—„человѣкъ онъ или духъ безтѣлесный“. Гонцы черезъ годъ возвращаются, обойдя „всю сушь до края“, и докладываютъ, что нигдѣ не видѣли дивнаго юноши. Царь относитъ свое приключеніе къ навожденію нечистаго духа, и снова водворяется въ царскихъ палатахъ веселье и пирь.

Тѣмъ временемъ вождь Автандилъ небрежно сидѣлъ въ своей спальнѣ, Безопасно онъ пѣлъ; подъ рукой звучала стогласная арфа...
Вдругъ быстро вбѣжалъ къ нему негръ, посланникъ и рабъ Тинатины:
Цинаровый станъ, онъ сказалъ, встань и иди къ луноликой.

Автандилъ спѣшитъ на свиданіе „къ розѣ“. Она же несравненная угрюмо сидитъ, „прекрасна какъ молнія и лучи“, исходящія отъ нея, затмеваютъ свѣтлый мѣсяцъ. Тихимъ движеніемъ руки приглашаетъ она сѣсть своего пламеннаго поклонника.

Онъ молвилъ: Что смѣю сказать? Ужасаюсь коснуться до рѣчи!
Луна исчезаетъ въ лучахъ свѣтозарно горящаго солнца!
Страхусь за себя самого и мыслей собрать не могу я...
Повѣдайте мнѣ лица, о томъ, что вашъ духъ угнетаетъ.

Тинатина признается, что таинственный незнакомецъ, встрѣченный отцомъ на охотѣ, тревожитъ ей сердце и проситъ его отправиться въ поиски за нимъ, давъ ему три года сроку: „и розу твою сохрани, какъ даръ непорочный и чистый“. Поклявшись другъ другу въ любви и неизмѣнной вѣрности, они расстаются, при чемъ царица называетъ свое сердце „раненымъ ножомъ“ а Автандилъ свое—„опаленнымъ огнемъ“. Тихо онъ пошелъ... Кристаллы росили о розѣ¹⁾, а стальное тѣло дрожало. О, сердце онъ сердцу сроднилъ, любовь ужъ была неразрывна“. Проплакавъ цѣлую ночь, утромъ онъ является къ царю и подъ предлогомъ военной экспедиціи къ границамъ государ-

¹⁾ То-есть глаза плакали о возлюбленной.

ства испрашиваетъ у него разрѣшенія на свой отъѣздъ. Въ удѣльномъ своемъ городѣ онъ повѣряетъ своему преданному слугѣ, Шермадину, тайну своей любви и цѣль поѣздки, назначивъ его въ указѣ народу и войску намѣстникомъ за время своего отсутствія.

Два года и десять мѣсяцевъ бродитъ онъ по свѣту среди нужды и лишеній; труды и опасности такъ его истомили, что у него является мысль о самоубійствѣ; слезы его льются и вливаются въ море безконечнымъ потокомъ. „Такихъ страданій, какъ онъ, не испытывалъ ни Висъ, ни Раминъ“¹⁾. Назначенный срокъ истекалъ; Шермадинъ можетъ объявить, по его же порученію, царю о смерти любимаго вождя, а возвращаться ни съ чѣмъ также тяжело. Находясь въ этомъ печальномъ размышленіи въ пустынной мѣстности, онъ однако, какъ „сынъ Адама“ захотѣлъ поѣсть и убивая дичь „рукою длиннѣе Рустема“²⁾, онъ жаритъ изъ нея себѣ шашлыкъ. Вдругъ появляются три всадника, которые оказываются охотниками изъ китайцевъ; къ несчастію, имъ встрѣтился какой-то таинственный юноша, одѣтый въ барсовую кожу, который разрубилъ голову плетью младшему изъ нихъ. По примѣтамъ Автандиль узнаетъ въ ускокавшемъ юношѣ того, кого онъ такъ долго искалъ и скачетъ за нимъ.

Скоро онъ завидѣлъ его, но не рѣшился подойти къ нему, такъ какъ разсудилъ, что лучше издали слѣдить и проникнуть въ его жилище. Къ вечеру третьяго дня человекъ въ барсовой кожѣ приблизился къ высокимъ скаламъ, окруженнымъ гигантскими деревьями и усѣянными пещерами. На шумъ конскихъ копытъ вышла навстрѣчу юношѣ изъ пещеры какая-то женщина въ черной курткѣ и стали они вмѣстѣ горько плакать. Автандиль на вершинѣ дерева, съ котораго онъ наблюдалъ сцену ихъ встрѣчи, прождалъ цѣлую ночь, а на другое утро, когда таинственный незнакомецъ уѣхалъ, слезно простившись съ женщиной, подведшею ему коня, направился къ пещерѣ. На звукъ конскаго топота вышла опять та же женщина, полагавшая, что за чѣмъ-нибудь вернулся „солнцепоподобный юноша, на губахъ котораго

¹⁾ Герои романа Висраміанн, принадлежащаго персидскому писателю Гургани. См. Vis und Ramin въ Zeitschrift d. Morgenl. Gesellsch. Вып. XXIII. Переводъ этотъ романа на грузинскій языкъ относится къ XI—XII вѣкамъ. Шинѣ онъ изданъ въ Тифлисѣ.

²⁾ Это мѣсто указываетъ на извѣстность въ XII вѣкѣ въ Грузіи устныхъ сказаній о Ростомѣ или поэмы „Ростоміани“, представляющей сокращенный переводъ Шахъ-Намъ *Фирдоуси*.

едва пробивался пушокъ". Но замѣтивъ незнакомое лицо, она бросилась бѣжать. Автандиль успѣлъ поймать ее арканомъ и сталъ умолять открыть, кто такой Таріель, къ которому она обращается за помощью. Выведенный изъ терпѣнія ея упорнымъ отказомъ, онъ приставилъ ножъ къ горлу и грозилъ ее убить. Смерть ея не испугала: „весь міръ для меня ничтожество и ничтожество ему имя“, отвѣчала она. Видя безуспѣшность своихъ угрозъ, Автандиль, отойдя въ сторону, сталъ горько плакать, и она изъ жалости къ нему начала лить слезы. Замѣтивъ эту симпатію къ себѣ, Автандиль проситъ ее простить его вспышку и сжалиться надъ человѣкомъ много пострадавшимъ изъ-за страсти къ возлюбленной своей Тинатинѣ, поручившей розыскать таинственнаго юношу въ барсовой кожѣ. Любовныя страданія Автандила окончательно расположили къ нему эту женщину, по имени Асмать, и она пообѣщала мирно свести его съ Таріелемъ. Вскорѣ показался и самъ Таріель, освѣщая воды своимъ блескомъ. Асмать поспѣшила спрятать Автандила въ пещеру, а сама со слезами вышла на встрѣчу къ пріѣзжему. Женщина разостлала барсову кожу и стала жарить ему мясо, отъ котораго въ избыткѣ горя отказался Таріель и прилегъ отдохнуть. Когда онъ проснулся, Асмать заговорила съ нимъ объ одиночествѣ и пребываніи его въ обществѣ звѣрей, советуя ему поискать друга среди людей. Таріель не выразилъ открытаго нежеланія имѣть друга, хотя усомнился въ возможности найти человѣка, который раздѣлитъ бы съ нимъ горькую участь. Асмать предложила познакомить его съ Автандиломъ, взявъ съ него слово, что онъ не убьетъ его. Таріель, дѣйствительно, встрѣтилъ его привѣтливо: они бросились другъ другу въ объятія, а потомъ вмѣстѣ долго плакали. Автандиль разказалъ свою исторію, а за нимъ Таріель приступаетъ повѣствовать о себѣ, приказавъ предварительно Асмать принести воды и приводить его въ чувство, если онъ будетъ падать въ обморокъ. Затѣмъ обнаживъ себѣ грудь, человѣкъ въ барсовой кожѣ разказалъ слѣдующее:

Зовутъ его Таріелемъ; онъ былъ военачальникомъ у царя Парсадана, повелителя шести индійскихъ царствъ. Отецъ Таріеля добровольно уступилъ ему седьмое индійское свое царство и въ награду за это великодушіе Парсаданъ сдѣлалъ его начальникомъ своихъ войскъ и, будучи бездѣтнымъ, усыновилъ Таріеля, пообѣщавъ сдѣлать его своимъ наслѣдникомъ. Таріель выросъ при дворѣ подъ руководствомъ лучшихъ мудрецовъ государства. Ему было пять лѣтъ,

когда у царя Парсадана родилась дочь Нестанъ-Дареджана ¹⁾. Малютка была прекрасна и затмевала луну и солнце блескомъ своего лица. Тариель и Нестанъ сначала воспитывались вмѣстѣ, какъ царскія дѣти. Когда же онъ возмужалъ, то царевну помѣстили въ отдѣльномъ роскошномъ дворцѣ, приставивъ къ ней воспитательницей тетку Даваръ, а нянькой Асмать. По смерти отца 15-лѣтній Тариель наследовалъ ему въ должности военачальника. Послѣ траура, онъ началъ участвовать во всѣхъ придворныхъ увеселеніяхъ и празднествахъ. Разъ, возвращаясь съ охоты съ Парсаданомъ, имъ пришлось проходить мимо дворца царевны. Царь зашелъ къ дочери, а Тариель поджидалъ его въ саду, держа въ рукахъ убитую дичь, за которой вскорѣ прислалъ Парсаданъ Асмать, чтобы подарить ее дочери. Асмать случайно слишкомъ раскрыла завѣсу покоевъ царевны, и предъ глазами Тариеля красавица предстала во всемъ своемъ блескѣ. Юноша не выдержалъ ослѣпительныхъ чаръ Дареджаны и упалъ въ обморокъ. Черезъ три дня, когда къ нему вернулось сознание, онъ увидѣлъ себя въ роскошныхъ покояхъ царя, окруженнымъ вельможами, волхвами и врачами, которые таинственно бесѣдовали между собою о постигшей его странной болѣзни.

По выздоровленіи, онъ перебрался изъ дворца къ себѣ въ домъ, гдѣ ему Асмать подала письмо отъ Нестанъ-Дареджаны, въ которомъ чудная красавица клялась въ любви и увѣщевала не лить слезы напрасно, а искать побѣдной славы въ войнѣ съ китайцами. Тариель посылаетъ дерзкій вызовъ китайскому царю, а тѣмъ временемъ получаетъ приглашеніе отъ царевны явиться во дворецъ. Вскорѣ послѣ этого вспыхнула война; Тариель побѣждаетъ и приводитъ въ Индію китайскаго царя въ плѣнъ, какъ военный трофей. Отецъ Дареджаны устраиваетъ ему триумфальный вѣздъ въ столицу, осыпая молодого героя всевозможными милостями. Но не подозрѣвая любви Тариеля къ своей дочери, царь задумываетъ выдать ее замужъ за хваразмійскаго принца, и Тариель, присутствовавшій на совѣтѣ, созванномъ по этому вопросу, даетъ свое согласіе на ея бракъ съ иностранцемъ, не рѣ-

¹⁾ Въ довольно удачныхъ стихахъ изложены главы о Ростеванѣ, Тинатинѣ и др. въ книжкѣ г. Сталинскаго „Барсова кожа“ Ш. Руставели (Тифлисъ. 1888). Книжка эта заключаетъ въ себѣ переводы изъ Руставели въ отрывкахъ на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и армянскомъ языкахъ; а на польскомъ языкѣ было передано содержаніе поэмы въ „Biblioteka Warzawska“ (1868, IV).

шаясь открыто заявить о своей любви къ царевнѣ. Нестань-Дареджана, узнавъ объ этомъ, на тайномъ свиданіи упрекаетъ его въ измѣнѣ, а когда онъ оправдывается передъ нею, ссылаясь на свою боязнь противорѣчить царю, она успокаивается и предлагаетъ своему возлюбленному украдкой убить хваразмійскаго принца въ виду того, что престолъ Индіи долженъ принадлежать только Таріелю.

Нареченный женихъ Нестань-Дареджаны является въ столицу Парсадана, и Таріель въ качествѣ военачальника сначала торжественно его встрѣчаетъ, а затѣмъ ночью проникаетъ въ станъ принца и, заставъ его спящимъ, разбиваетъ ему голову о столбъ палатки; пользуясь смятеніемъ въ войскѣ, онъ безнаказанно исчезаетъ. Царь по этому происшествію догадывается о любви Таріеля къ своей дочери и укоряетъ его въ письмѣ, зачѣмъ онъ скрывалъ свои чувства и не просилъ руки царевны. Таріель отвѣчаетъ царю, что дочь свою онъ можетъ выдать за кого хочетъ, но престола Индіи онъ никому не уступить.

Сестра же Парсадана, Даваръ, возмущенная поступкомъ своей воспитанницы, страшно избила ее и отдала двумъ чернымъ рабамъ бросить ее въ море, а сама, опасаясь гнѣва царя, лишила себя жизни. О судьбѣ царевны сообщила Таріелю нянька ея, Асмать, а черные рабы вмѣсто того, чтобы топить дѣвушку, выгодно продаютъ ее въ морскомъ царствѣ. Царевна здѣсь очутилась у богатой купчихи, Фатманъ, которой она понравилась своею красотой. Но вскорѣ мужъ ея проговорился въ присутствіи морскаго царя о Дареджанѣ, и тотъ потребовалъ ее доставить и выдать за своего сына. При раставаніи Фатманъ даритъ дѣвушкѣ драгоцѣнный поясъ, которымъ ей удается подкупить слугъ морскаго царя и бѣжать изъ плѣна. На дорогѣ ее перехватываютъ послы изъ каджетскаго царства, которые запираютъ ее въ неприступную крѣпость. Таріель же въ теченіе трехъ лѣтъ напрасно ищетъ царевну въ сопровожденіи Асмать и, отчаявшись ее найдти, поселяется въ пещерахъ дэвовъ, которыхъ Таріель побѣждаетъ и изгоняетъ. Здѣсь онъ одичалъ и отсюда онъ вступалъ въ случайныя кровавыя столкновенія съ людьми.

Встрѣча съ Автандиломъ даетъ новый поворотъ его судьбѣ. Повѣдавъ другъ другу свои горести, они условливаются снова встрѣтиться черезъ два мѣсяца въ томъ же мѣстѣ и предпринять новые поиски Дареджаны. Автандиль спѣшитъ въ Аравію сообщить Тинатинѣ о своей находкѣ. Ростеванъ не соглашается на вторичный отъѣздъ

Автандила, чтобы помочь другу въ несчастіи. Автандиль, извинившись предъ царемъ письменно, уѣзжаетъ безъ его согласія, но съ позволенія своей возлюбленной. Въ пустынь онъ находитъ Таріеля лежащимъ безъ чувствъ рядомъ съ трупами убитыхъ имъ льва и барса. Приведенный въ сознаніе Таріель рассказываетъ, что онъ убилъ льва, гонявшагося въ любовной игрѣ за барсомъ, который ему напомнилъ его возлюбленную, а когда онъ хотѣлъ приласкать барса, и тотъ огрызнулся, то онъ покончилъ и съ нимъ.

Автандиль, успокоивъ Таріеля, уговорилъ его вернуться къ Асматъ и ждать вѣстей отъ него, а самъ отправился искать Дареджану. Онъ ѣдетъ въ морское царство, заводитъ знакомство съ Фатманъ, входитъ въ ея довѣріе, убиваетъ ея прежняго любовника, погрозившаго ей мстью за измѣну, и при помощи волшебниковъ (каджи), посланныхъ Фатманъ, узнаетъ о мѣстѣ заточенія Дераджаны и получаетъ отъ нея письмо къ ея возлюбленному. Вернувшись къ Таріелю, онъ беретъ его съ собою, захватываетъ царя мулганзарскаго Придона, которому Таріель однажды помогъ въ его борьбѣ съ родственниками, и они берутъ штурмомъ ту Каджетскую крѣпость, гдѣ содержалась Дареджана. Герой и героиня послѣ десятилѣтней разлуки радостно встрѣчаются, и всѣ они ѣдутъ сначала въ Аравію, гдѣ присутствуютъ на свадьбѣ Автандила и Тинатины, а затѣмъ подъ охраной аравійскихъ войскъ Таріель возвращается съ своей невѣстой въ Индію, завоевываетъ себѣ престолъ и сочетается бракомъ съ Нестанъ-Дареджаной ¹⁾.

Познакомившись съ содержаніемъ „Барсовой кожи“, мы остановимся на толкованіи Д. Чубинова ²⁾, усматривающаго въ ней *націоннальное* произведеніе, направленное къ прославленію царицы Тамары. Сравнивая жизнь царицы съ событіями, описываемыми въ поэмѣ, говоритъ онъ, находимъ разительныя черты сходства, которыя подаютъ поводъ думать, что подъ именемъ главной героини Нестанъ-Даред-

¹⁾ На этомъ кончается поэма Руставели по принятому Вахтангомъ Броссе и Чубиновымъ тексту „Барсовой кожи“. Продолженіе же ея, извѣстное по открытой Карбеловымъ рукописи Московскаго архива иностранныхъ дѣлъ, доводитъ ее до смерти Таріеля и Автандила. Вся поэма недурно изложена у Г. Госселіани для дѣтей на 66 стр. (Тифлисъ. 1892), а переводъ поимъ на нѣмецкій языкъ предпринялъ *Артуръ Лейстъ*, Der in Tigerfelle von Schota Rustaveli. Dresden, Leipzig.

²⁾ Чубиновъ, Грузинская хрестоматія, стр. VII (С.-Пб. 1846).

жанъ скрывается сама Тамара, а по мнѣнію Н. Гулака ¹⁾ „славная царица скрывается не только подъ образомъ Дареджаны, но и подъ образомъ Тинатяны, а еслибы въ поэмѣ было нѣсколько героинь, то всѣ онѣ носили бы на себѣ черты Тамары по той простой причинѣ, что Руставели пылалъ глубокою любовью къ своей царицѣ“. Д. Чубиновъ указываетъ черты сходства Тамары и Дареджаны. Последняя была единственною дочерью индійскаго царя, Парсадана, точно такъ же, какъ Тамара была единственною дочерью грузинскаго царя Георгія III. Воспитаніе Дареджаны Парсаданъ поручилъ сестрѣ своей Давари, воспитаніе Тамары было поручено Георгіемъ III сестрѣ его Русудани, которая была въ супружествѣ за осетинскимъ княземъ; она воспитывала ее вмѣстѣ съ своимъ родственникомъ по мужу Давидомъ Сослани, точно такъ же, какъ Дареджана росла съ Таріелемъ въ „Барсовой кожѣ“. Слѣдствіемъ совмѣстнаго воспитанія Нестанъ-Дареджаны и Таріеля была взаимная ихъ любовь; такъ, вѣроятно, и Тамара была привязана къ Давиду Сослани, за котораго она выходитъ замужъ, по расторженіи заключеннаго по политическимъ соображеніямъ брака съ Юріемъ, сыномъ Андрея Боголюбскаго. Далѣе, Парсаданъ по государственнымъ видамъ хотѣлъ выдать свою дочь за могущественнаго шаха хоразмійскаго, но Дареджана отказалась повиноваться рѣшенію отца; по грузинской лѣтописи шахъ хоразмійскій тщетно искалъ руки царицы Тамары, хотя онъ и не подвергся той ужасной участи, какая постигла хоразмійскаго принца въ поэмѣ Руставели.

Помимо этихъ совпадающихъ чертъ „Барсовой кожи“ и исторіи царицы Тамары, близость поэмы къ Грузіи явствуетъ и по другимъ признакамъ. Мѣсто дѣйствія поэмы—Индіа. Руставели раздѣлилъ ее на семь царствъ, и древнѣйшіе грузинскіе акты называютъ владѣтелей Грузіи царями семи царствъ, о чемъ свидѣтельствуетъ грузинскій историкъ царевичъ Вахушти. Отецъ Тамары, Георгій III, дѣйствительно владѣлъ, подобно Парсадану, семью царствами, имена которыхъ сохранились въ лѣтописи: Абхазское, Геретинское, Саатабагское, Карталинское, Кахетинское, Ранское и Осетинское, въ которомъ господствовала отрасль грузинской династіи Багратидовъ. Упомянутая въ поэмѣ крѣпость Каджети-Каджетисцихе—мѣсто заключенія Нестанъ-Дареджаны—находится по грузинскимъ картамъ въ За-

¹⁾ Гулакъ, „О Барсовой кожѣ“, стр. 6 (Тифлисъ, 1884).

падной Грузіи. Природа, описанная въ поэмѣ, носить всѣ признаки Грузіи. Были, однако, попытки указать прототипъ „Барсовой кости“ въ персидской литературѣ: такъ Н. Д. ¹⁾ называлъ повѣсти Низама „Меджунъ и Лейла“, и Гургани „Вись и Рамипъ“, послужившія не только образцомъ, но давшія сюжетъ грузинскому поэту. Нѣтъ нужды указывать, насколько неправдоподобнымъ представляется эта гипотеза тѣмъ, кто знакомъ съ содержаніемъ названныхъ романовъ, извѣстныхъ и въ грузинскомъ переводѣ съ древнихъ временъ ²⁾. Мы вернемся къ разбору этого мнѣнія.

Не только Чубиновъ настаиваетъ на національномъ происхожденіи поэмы Руставели, но и лица, которыхъ нельзя обвинить въ патристическомъ пристрастіи. Съ Руставели въ Грузіи, говоритъ г. Гулакъ, повторилось то же самое, что испытывали современные ему трубадуры на Западѣ. Трубадуръ, по словамъ Edgard Quinet (*Révolutions d'Italie*), почти всегда происходилъ изъ низшаго сословія, но благодаря своему генію, возвышенности чувствъ, онъ дѣлался временною равнею феодальной аристократіи. Онъ, дитя простонародія, съ душою, преисполненною наивности, поэзіи, страсти, вступая въ феодальные замки, сначала ослѣпленъ блескомъ феодальной дамы, своей повелительницы, онъ едва смѣетъ поднять взоры на нее. Вслѣдствіе этого, любовь трубадура въ самомъ корнѣ зиждется на другомъ основаніи, чѣмъ любовь древности: тутъ женщина является сильнымъ, а мужчина слабымъ существомъ. Отношенія половъ какъ бы измѣнились: женщина оказываетъ покровительство, а мужчина ищетъ опоры. На сторонѣ женщины авторитетъ, приказываніе, власть; на его же сторонѣ только робость и послушаніе подданнаго. Онъ повергаетъ свои чувства предъ особою, высокое общественное положеніе которой должно его подавлять, и которая остается для него недостижимымъ идеаломъ. Это какъ бы первый *идеальный бракъ* между аристократіей и народомъ, но необходимое условіе такого союза есть тайна: пужно, чтобы его стихи, довольно прозрачныя для той, къ которой относятся, оставались не разгаданы для другихъ, и горѣ поэту, если его чувства были слишкомъ прозрачны. Тогда часто въ ближайшемъ лѣсу находили его тѣло пронзеннымъ стрѣлою или

¹⁾ „*Сверстный Вѣстникъ*“, 1889, №№ 9 и 10.

²⁾ Лейла и Меджунъ пер. на груз. языкъ царемъ Теймуразомъ I въ XVII вѣдѣ, остается въ рукописи, Висраміани же изданъ въ Тифлисѣ въ 1884 г.

копьемъ. Или на старости лѣтъ, чувствуя себя лишнимъ въ феодальныхъ дворахъ, гдѣ прежнее его присутіе возбуждало радость и веселье, онъ, не считая возможнымъ возвращаться въ убогую деревенскую обстановку, удалялся на покой, въ стѣны монастыря. Такова была участь и Руставели, проведшаго молодость при блистательномъ дворѣ царицы Тамары, отъ которой „онъ терялъ рассудокъ и умиралъ“. Быть можетъ, за слишкомъ „прозрачно“ явленное къ ней чувство, котораго онъ не сумѣлъ скрыть [„и самый твердый камень разобьется отъ мягкаго свинца“], онъ былъ обезглавленъ и брошенъ въ рѣку по одной легендѣ, или же подъ старость лѣтъ, потерявъ расположеніе своей повелительницы и кумира любви, онъ удалился въ монастырь, какъ свидѣтельствуется надпись въ церкви св. Креста въ Іерусалимѣ. Пѣвецъ царицы Тамары, по всѣмъ сохранившимся о немъ свѣдѣніямъ, вышелъ непосредственно изъ народа, и потому вѣчно юная его поэма, исполненная силы и страсти, жива и свѣжа до настоящей минуты. Семьсотъ лѣтъ для грузинской музы прошли, какъ одна минута! Если при этомъ вспомнить, что Руставели могъ воспользоваться существовавшимъ устнымъ народнымъ сказаніемъ о Таріелѣ и Дареджанѣ, то станетъ еще понятнѣе, почему „Барсова кожа“ такъ дорога грузинскому читателю. Сюжетъ своей поэмы поэтъ взялъ изъ глубины сердца самого народа и одухотворенный единствомъ высокаго чувства и философскаго размышленія, возвратилъ его тому же народу въ тихихъ и страстныхъ стихахъ, написанныхъ то нѣжнымъ, то пламеннымъ языкомъ. Стиль Руставели олицетворялъ собою какъ бы идеалы, близкіе природѣ горячаго юга, гдѣ тропическій палящій зной долинъ и серебряныя горныя вершины вѣчнаго льда и снѣговъ съ одинаковою любовью цѣлуются съ бездонною синевою лазуреваго кавказскаго неба. Внѣшнее совершенство стиховъ Руставели настолько велико, что, по словамъ даже иностранца г. Гулака, „если ихъ читать громко, соблюдая цезуру и ударенія, то они дивно гармоничны и не уступаютъ гексаметрамъ Гомера и Вергилія“¹⁾.

Со стороны внутренняго содержанія поэмы, которая донинѣ служить воспитательной книгой, „Барсова кожа“ есть торжественный гимнъ „любви, добру и красотѣ“, а главнымъ образомъ женщинамъ, предъ которыми поэтъ благоговѣлъ, какъ предъ лучшимъ созданіемъ

1) Лестные отзывы о поэмѣ дали еще Ренанъ, Сютнеръ Уордропъ.

природы. Основными чертами характера двухъ первыхъ героевъ поэмы Дареджаны и Таріеля является выраженіе непоколебимой супружеской любви, основанной на свободномъ выборѣ и разумномъ пониманіи взаимныхъ личныхъ достоинствъ, а не исключительно на страсти или бессознательной привязанности. Характеристикъ героевъ поэмы и извлеченію изъ нея выдающихся мѣстъ мы посвятимъ другую статью.

А. Жахановъ.